

13 декабря. Анадырь

Привет, Веро!

Я перелетел в Анадырь — главный город на Чукотке. Здесь уже нет полярной ночи. Дом, в котором я живу, находится на краю города. Из окна видна какая-то деревня, за нею — залив, а дальше — бесконечность, из-за которой ненадолго появляется солнце. По сравнению с Билибино жизнь здесь более ритмична и многолюдна. Сначала немного мелко, но вот уже третий день стоит отличная погода. Говорят, весь декабрь такой, чего здесь не помнят. Все ждут пургу. Я не против. Посмотрю, что это такое.

Пытаюсь встретиться с окружным акушером. Уже был у нее в больнице и договорился о времени, когда можно спокойно побеседовать. Главный акушер в курсе всех деторождений. Информация стекается к ней со всех районов Чукотки. Можно никуда не ездить и ждать Нового года...

Сегодня вышел к окраине города и увидел небольшую церковь. Она находится на косе, на том самом месте, откуда впоследствии вырос город. В церкви крестили детей, поэтому я в ней не задержался и по тропинке, минуя склады и базы, прошел дальше, чтобы сфотографировать панораму Анадыря. В конце концов я вышел на дорогу, которая так увлекла, что вскоре я оказался в деревне Тавайваам, той самой, которую видно из моего окна.

Деревня показалась жалкой и убогой. Ветхие одноэтажные дома, которые правильнее называть хижинами, соседствуют с двухэтажными, также довольно обшарпанными. Они к тому же покрыты изморозью, от чего кажутся холодными,

неприветливыми и безжизненными. Тем не менее в них живут. Вокруг домов расположились деревянные сарайчики разных форм и размеров, тоже малопривлекательные. Видел и несколько новых коттеджей. Картину дополняет стоящий посреди поселка недостроенный трехэтажный дом. Судя по всему, таким он остается много лет и уже едва ли достроится. Пока шел, не встретился ни один прохожий, не проехала ни одна машина.

Тавайваам — речка, по которой в Ново-Мариинск ездили чукчи с товаром для обосновавшихся здесь казаков. Отсюда название — «Река, служащая для поездок». Сами казаки назвали реку — Казачкой. Протекает она между столицей Чукотки и поселком, который, в отличие от реки, название сохранил. Сразу за Тавайваамом начинается безбрежная водная (сейчас ледяная) пустыня Анадырского залива. В Тавайвааме живут в основном чукчи. Жизнь их так или иначе связана с Анадырем, куда они ходят на работу, если таковая есть, а их дети — в школу.

В старом деревянном двухэтажном здании с вывеской «Администрация» расположены ещё Дом культуры и библиотека. В одной из комнат я застал нескольких чукчанок за печальным занятием: они сплетали траурный венок. Чтобы работа не казалась скучной, девушки смотрели телесериал. Встретили они меня тепло, усадили за стол и угостили чаем. Когда разговорились, я спросил о возможности рождения ребенка в тундре. Надя — директор этого Дома культуры — предложила встретиться с одной из жительниц, которая могла бы на этот вопрос ответить. Надя ушла за нею и спустя некоторое время возвратилась с Валентиной Ивановной и её девятилетней дочерью Марийкой.

Валентина Ивановна — чистокровная чукчанка, родилась и выросла в Тавайвааме. Ее родители всю жизнь проработали в тундре. Отец — потомственный оленевод, мать — чумработница. Сама Валентина Ивановна уже на пенсии, хотя ей только пятьдесят. Раньше работала в спорткомитете.

Занималась ездовыми собаками и организовывала соревнования, довольно популярные в этих краях. У Валентины Ивановны шестеро детей, которых она делит на партии. «Старшая партия» состоит из дочери — ей двадцать восемь лет — и двух сыновей, которым по двадцать три. У «старшей партии» свои семьи, и там Валентина Ивановна уже давно бабушка. Но, будучи бабушкой, она не переставала становиться матерью. В «младшей партии» — десятилетний сын и две дочери, которым соответственно девять и семь лет. Таким образом, одна из дочерей Валентины Ивановны младше её же внука. Никого из шестерых она в тундре не рожала. Зато родилась там сама, и мама рассказывала ей обстоятельства этих родов.

Они с мужем поехали в соседнюю бригаду, где собрались родственники. Это было неподалеку, в Тавайваамской тундре. Но в дороге маму Валентины Ивановны растрясло, и, лишь только они приехали в гости, у нее начались схватки. Пришлось срочно везти ее обратно. Оленей распрягли, и на то, чтобы вновь их запрячь, а до того отловить, не было времени. Поэтому в нарту впряглась младшая сестра и тащила ее километров десять. (Мужу при родах находиться было нельзя.) Она успела довести сестру до яранги, растопила очаг, нагрела воду и, когда стало тепло, помогла родить. Вспомнила Валентина Ивановна о своей тете и загрузила: недавно она умерла...

Я спросил, может ли в тундре родиться ребенок и остаться неучтенным? Валентина Ивановна считает это маловероятным. Сейчас даже в отдаленных бригадах имеются рации, по которым сообщают о всяком происшествии, в том числе и о предстоящих родах. Вместе с тем она рассказала, что ее приятельница из Билибинского района несколько лет назад родила прямо в яранге.

Муж Валентины Ивановны умер десять лет назад, и с тех пор она одна воспитывает троих детей. Впрочем, дети они только с виду. На деле — самостоятельные личности, которые

не только помогают матери, но являются полноценными добытчиками пищи. Пенсия у Валентины Ивановны 750 рублей. Это при чукотских ценах! Проживают вчетвером в однокомнатной квартире. Так теплее и, главное, дешевле. Зато есть электрическая печь, которая греет воду. По выходным Валентина Ивановна с сыном и Марийкой ходят на рыбалку. Не ради удовольствия, а чтобы прокормиться. (Тут ради удовольствия ничего не делается.) Ловят корюшку, небольшую рыбку, сантиметров десять-пятнадцать, и, чтобы был толк, наловить надо много, а это не всегда удается. Рыбку жарят, вялят, солят, коптят, — словом, она для тавайваамовцев что для нас картошка. Уху варят редко: на неё этой корюшки надо уж очень много. Покупают только хлеб и немного картошки: «Надо же детей чем-то баловать!» Сама Валентина Ивановна картошку почти не ест. Изредка едят оленину, но сейчас с нею трудности. Вот и весь рацион этой тавайваамской семьи. А есть такие, которые обходятся только рыбой. Некоторые сами выпекают хлеб. Получается дешевле, чем покупать. В семье Валентины Ивановны еду готовят в основном дети, а чаще всего — Марийка, которая на все руки мастер. В девятилетнем возрасте она ведет почти все домашнее хозяйство.

Эта крепенькая, с серьезным видом девочка меня поразила. По всему видно, что она играет важную роль в семье... Валентина Ивановна много курила. Конечно, самые дешевые папиросы. Марийка решила бороться с маминым курением и способ нашла безупречный. Она не обвиняла, не апеллировала к здоровью, а взяла карандаш и подсчитала, во что обходятся папиросы. Затем положила расчеты перед матерью и сказала: «Бросай!» На листке было подсчитано, сколько хлеба, муки и картошки можно было купить на деньги, улетевшие в табачный дым.

Марийка шьет вполне серьезные вещи, и, случается, они с мамой их продают. Она показала рукавицы из заячьего меха, и было трудно поверить, что их сшил девятилетний ребенок. А

ведь Марийка еще и выделывает шкуры, и, кроме этого, умеет вышивать бисером. Рукоделию ее учат в Национальном колледже — специальной школе, где есть художественное и фольклорное отделения. Но главным учителем была бабушка.

Мне хотелось поговорить с Марийкой, и я даже попросил Валентину Ивановну оставить нас, полагая, что девочка стесняется. Однако, оставшись со мной наедине, маленькая чукчанка не произнесла ни слова! Валентина Ивановна просила дочь, чтобы та рассказала известные только ей истории, но Марийка была непреклонна. Она молчала и в лучшем случае улыбалась, плотно сжав рот. Я корил её, даже ругал, но все это не давало результата.

Жаль, потому что Марийка знает о Тавайвааме многое. Недавно умерла ее бабушка, у которой с внучкой были самые доверительные отношения. Незадолго до смерти бабушка передала Марийке газетные вырезки, тетради с записями, документы, которые бережно хранила. В этих бумагах, кроме прочего, записана история села. Теперь Марийка обладательница ценного наследия, дорожит им и не хочет делиться с заезжим незнакомцем. Наказ бабушки был строг, и Марийка выполняет его неукоснительно. Может, когда-нибудь она предоставит эти материалы человеку более достойному и заинтересованному, а может, сама расскажет историю своего бедного селения.

Бедного — другого слова не подобрать...

Когда мы с Валентиной Ивановной и Марийкой вышли из Дома культуры, нам повстречались несколько странных (и страшных!) существ. Это старушки-чукчанки. Беззубые, едва передвигающиеся, одна на костылях, а одежда такая, что это скорее лохмотья. Я было приготовился их фотографировать, но это показалось столь кощунственным, что я не решился. В руках у одной старушки была выцветшая тряпка, похожая на бывшее полотенце. В тряпку было завернуто полбуханки хлеба. Опираясь на костыль, старушка делала два шага,

останавливалась для передышки, ступала еще, вновь останавливалась и так продвигалась к двухэтажному дому. Чтобы войти в него, ей предстояло преодолеть несколько ступенек, и я не представляю, как она могла бы это сделать. Валентина Ивановна с нею поздоровалась, они поговорили почукотски, а я прятал глаза, чтобы не встретиться со старушкой взглядом. А она-то как раз смотрела на меня и ждала, чтобы я посмотрел на нее. Потом я понял, что меня сковал стыд, тот самый, что может вызвать бегство от сопричастности к беде, отстоящей от нас в полуметре... Не я, а Валентина Ивановна проводила пожилую чукчанку до подъезда и помогла ей взойти по ступеням. Оказалось, старушка шла из своей одинокой лачуги в соседний дом поделиться хлебом с человеком еще более немощным и нуждающимся...

У сельского магазина встретили пьяную чукчанку, с виду молодую. Еще только полдень, но по всему видно, что в таком состоянии она с утра. Ее старое, грязное драповое пальтишко было накинуто на то, что с натяжкой можно назвать нижним бельем. Женщина была не просто неряшлива. Она была расхристанной и разболтанной, без головного убора, хотя мороз был под тридцать. В любой момент она могла упасть, и едва ли у нее хватило бы сил подняться. Ей никто бы не помог, потому что вокруг никого не было, а редкие прохожие, вроде несчастных старушек, не обратили бы на нее внимания.

Говорят, северным народам нельзя пить, так как их организм не сопротивляется воздействию алкоголя. Вроде бы в нем нет ферментов, растворяющих алкоголь. А вот русский организм, наоборот, устроен из одних только этих ферментов! Как, впрочем, и французский. На самом деле чукчи, эскимосы, эвены и другие северные народы, организм которых веками приспособивался к условиям, в которых никто другой жить не может, устроены так, что вмешательство в их жизнь — будь то жилье, одежда или питание — немедленно вызовет отрицательную реакцию. Организм отторгает все, что

несовместимо с их образом жизни. Вот почему мудрые люди столь категорично выступают против всякого постороннего вмешательства в жизнь и быт своего народа и прежде всего накладывают табу на алкоголь.

Я спросил Валентину Ивановну, что она думает о нас, русских.

Она ответила, что русские сейчас ничем не помогают. Если надо что-то построить, например дом, надо идти за разрешением, затем выкупать землю. Валентина Ивановна спрашивает: «Почему мы, родившиеся и прожившие здесь тысячи лет, должны выкупать свою же землю? Выкупать у тех, кто сюда пришел, похозяйничал и теперь сматывается?» Она считает, что должны платить им. За пользование их землей и недрами.

«Были газеты на чукотском языке. Сейчас их нет. Был Центр народного творчества. Сейчас его нет. Хорошо, остается еще Национальный колледж. Наше село считается национальным, но что здесь национального? Одна разруха. Были небольшие домики, аккуратно стоящие один против другого, а теперь — разгром! Теплотрассы открыты, из них бьют фонтаны. Трехэтажку строили-строили, разворотили полсела и бросили. Людей видели, какие они у нас? Старушек видели?..»

Валентина Ивановна говорила без злобы, но и без надежды на то, что это когда-нибудь изменится.

Мы расстались. Выйдя на дорогу, я пошел в Анадырь, а мои новые знакомые остались в Тавайвааме, поселке-спутнике чукотской столицы. И пока я шел, вспоминал о необычном экспонате из местного музея. Вам, французам, этого не понять, но я попытаюсь объяснить...

В краеведческом музее есть дверь, обитая чёрным дерматином: нечто вроде заменителя кожи. На двери надпись:

С Е Р В И З,
подаренный Губернатором ЧАО
НАЗАРОВЫМ А.В.
к юбилею Москвы.

Плотно закрытая дверь с подобной надписью может привлечь даже самого равнодушного из посетителей, не говоря обо мне, с детства предпочитающего закрытые двери открытым. Я попросил показать подарок. Как житель Москвы, я сгорал от любопытства: что за сервиз подарили нам к юбилею? Не из моржового ли... клыка?

Оказалось, нет. Сервиз на двенадцать персон изготовлен из высококачественного фарфора на одной из подмосковных фабрик, чьи изделия в особом почете среди ценителей. В одной из искуснейших супниц, окаймленной золоченым, исконно русским орнаментом, покоится грамота, свидетельствующая о том, что сей сервиз действительно подарен Первопрестольной «от лица Народа Чукотки с пожеланием процветания и благополучия». На стене комнаты с плотно занавешенными окнами висит красочный, под стать сервизу, плакат-календарь с изображением торжественной передачи подарка мэру столицы. Сам сервиз столь роскошный, что налитая в тарелку баланда сошла бы за наваристый борщ.

Осмотрев экспонат, я уже было представил себя в полутемной горнице в числе двенадцати избранных, разделяющих со мной трапезу, и одного приземистого, подающего мне кусочек хлеба... Но меня вдруг заинтересовало: почему подарок москвичам находится в Анадыре? Конечно, даренному коню в зубы не смотрят, но, быть может, мэр Москвы, приняв сервиз, затем от него вежливо отказался, догадываясь о богатых недрах Чукотки? Но нет. Подарок действительно находится в Москве, и, быть может, из него едят суп, борщ и котлеты. Оказывается, здесь, в краеведческом музее, лишь

уменьшенная копия с настоящего сервиза. Тот — на двадцать четыре персоны!

Пока я осматривал сервиз, а поглядеть на «подарок» приходят целыми группами, девушка-смотрительница постоянно поправляла оконную занавеску, чтобы из дома напротив не заметили блеск золоченых тарелочек и блюдец...

Только не надо спешить с выводами и, как у нас говорят, с «однозначными оценками». Во Франции общественность бы возмутилась, подняла шум, и от бедного губернатора уже ничего бы не осталось. Он бы сидел в Консьержери, а сервиз пошел бы с молотка. Но это Россия. Здесь все иначе. И я не стану никого обвинять в растрате народных средств. Кто знает, может, благодаря этому сервизу Чукотка не погибла? Может, в обмен на подарок сюда доставили пару-тройку танкеров с нефтепродуктами? А может, Москва, умилившись подарком, приняла к себе на попечение несколько тысяч чукотских детей или засыпала полуостров дешевой мукой, по тринадцать рублей за килограмм? Быть может, сервиз этот уже сто раз окупился, и оттого губернатор подарил его музею, не стесняясь и не стыдясь, что подарок Москве сыграл существенную роль в преобразовании Чукотки, и из захолустья она в одночасье станет развитой территорией, и, когда придет время, мы все о том узнаем? А узнав, воспоем славу чукотскому губернатору и устыдимся мелочных, недостойных упреков.

В любом случае, когда я буду писать книгу о Чукотке, историю с сервизом упоминать не стану. Это я тебе, француженке, рассказываю некоторые наши нюансы, которые в иные времена назывались «социалистической предприимчивостью», а еще раньше... не помню как. Но то, что так у нас было всегда, — точно. И еще долго будет, как бы мы этого ни не хотели.

РОМАНТИКИ ИЗ ТАВАЙВААМА

Они все разные: по возрасту и по характеру, национальной принадлежности и профессиональной деятельности. Но есть у них одно общее, что объединило всех. Они — романтики. И по натуре своей, и в душе. Восемь лет назад начали с прогулок в тундру с семьями. Затем туристические походы на более дальние расстояния. Теперь же объединились в туристический клуб. И название ему дали «Романтик». А запевалой во всех этих добрых делах выступает одна из таких непоседливых, неугомонных — Галина Нотатынагыргына. В погожие летние дни отправляются целыми командами «на природу». Уходят далеко от села Тавайваам, прихватив котелки, чайники, походные палатки, скромный провиант. Идут пешком двадцатилетние и пятидесятилетние. Не отстают от них самые юные участники турпоходов — Анечка Рябыкина, Марийка и Миша Канле, Витя Вельвун и Юля Котыт, Миша Плешаков. Всех не перечислить...

*«Крайний Север». Газета Чукотки.
29 октября, 1999 г.*

МАЛОРОТАЯ КОРЮШКА

За свой характерный запах получила название «огуречник». Распространена в Тихом океане от Берингова пролива до Северной Японии. Это полупроходная стайная рыба, придерживающаяся опресненных участков моря, откуда входит для икрометания в реки. Иногда встречается в озерах. Нерест — в апреле-мае. Икрометание происходит обычно на

закате солнца. После 10 часов вечера заканчивается. Прекращается и ход самок к местам икрометания. Самцы держатся в этих районах в течение почти круглых суток. Икра разбрасывается на камни в местах с довольно сильным течением. Плодовитость 1,2-10,5 тысяч икринок. Развитие их при температуре 7-15 градусов длится от 10-12 до 38 дней. Выклюнувшиеся личинки имеют длину около 4,5 мм. Длина взрослой особи до 18,5 см. В Анадырском лимане — от 8,5 до 18,5 см, средняя длина — 12,6 см, вес — 11 г. Питается планктоном, личинками насекомых, рачками. Является пищей хищных рыб. Запасы корюшки находятся в критическом состоянии, и требуются срочные меры для восстановления её численности.

*Край наш северный /Сост. Г.А.Кудрин,
Ф.Н.Сиразитдинова. — Магадан. 1987г.*

«...Вот, все говорят, что рыбу надо чистить. Ничего подобного! Берем её как есть, в чешуе. Посуду удлиненную — по ней. Немного воды. Добавляем перца, специй. Совсем не чистим, не взрезаем. Но только это должна быть или только что оттаявшая свежемороженая рыба, или свежая. Ну, вот в водичке ее парим. Потом только чешую снимаем. Отделяем мякоть — вот это мясо!..»

Назаров, А.В. С Чукотки начинается
Россия. М., 1996. С.27.